

УДК 81'373

DOI: 10.26907/2782-4756-2026-83-1-143-150

КОНЦЕПТ «ЛЕКАРСТВЕННЫЕ ТРАВЫ» В РУССКОМ КУЛЬТУРНОМ КОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПАРЕМИОЛОГИИ)

© Юнься Чжэн

THE CONCEPT “MEDICINAL HERBS” IN THE RUSSIAN CULTURAL CODE (BASED ON PAREMIOLOGY)

Yunxia Zheng

Paroemias, as linguistic units that embody the life experience and wisdom of the people, are widely used in everyday communication. Medicinal herbs, playing a significant role in human life, are inextricably linked with it. This is why their names acquire unique national and cultural significance across cultures. By focusing on Russian paroemiological units associated with the concept of “Medicinal herbs”, one can both gain a deeper understanding of the specific meanings conveyed by herbal images in Russian communication and gain insight into the system of folk beliefs about them, thereby experiencing the uniqueness of Russian culture. This is the relevance of our study. The object of this article is Russian paroemiological units containing the concept of “Medicinal herbs”. Its purpose is to analyze the symbolic meaning of the concept of “Medicinal herbs” in the Russian paremiological worldview, subsequently comparing the utilitarian value of these herbs with their symbolic meanings, and analyzing their similarities and differences. This will ultimately allow us to understand the unique national understanding of medicinal herbs by the Russian people, as well as to perceive its cultural codes and the deep national consciousness hidden in the Russian paremiological worldview. An analysis of a corpus of over 200 relevant paremias revealed the most frequent plant images, among which nettle, flax, wormwood, and hops predominate. The study demonstrates that most of these concepts have a negative symbolic meaning in the Russian paremiological worldview or are associated with agriculture and religious holidays.

Keywords: paremy, symbolic meaning, medicinal herbs, proverb, concept, paremiological unit

Паремии как языковые единицы, вобравшие в себя жизненный опыт и мудрость народа, широко распространены в повседневном общении и коммуникации. Лекарственные травы, играя значительную роль в быту человека, неразрывно с ним связаны. Именно поэтому их наименования в разных культурах обретают уникальное национально-культурное значение. Фокусируясь на русских паремиологических единицах, связанных с концептом «Лекарственные травы», можно получить возможность не только глубже понять конкретные значения, передаваемые данными травами в русской коммуникации, но и проникнуть в систему народных представлений о них, ощутив тем самым своеобразие русской культуры. В этом и заключается актуальность данного исследования. Объектом исследования в данной статье выступают русские паремиологические единицы, содержащие концепт «Лекарственные травы». Цель данной статьи заключается в анализе символического значения указанного концепта в русской паремиологической картине мира, в последующем сопоставлении утилитарной ценности данных трав с их символическими значениями и в анализе их сходств и различий, что в конечном счете позволит постичь уникальное национальное представление о лекарственных травах русским народом, ощутить его культурные коды и глубинное национальное сознание, сокрытое в русской паремиологической картине мира. Анализ корпуса из более чем 200 релевантных паремий позволил выявить наиболее частотные растительные образы, среди которых доминируют крапива, лен, полынь и хмель. В результате исследования показано, что большинство из данных названий трав имеют негативное символическое значение в русской паремиологической картине мира или ассоциируются с земледелием и религиозными праздниками.

Ключевые слова: паремия, символическое значение, лекарственные травы, пословица, концепт, паремиологическая единица

Для цитирования: Чжэн Ю. Концепт «Лекарственные травы» в русском культурном коде (на материале паремиологии) // Филология и культура. Philology and Culture. 2026. № 1 (83). С. 143–150. DOI: 10.26907/2782-4756-2026-83-1-143-150

Каждое национальное общество в мире на определенном этапе своего развития формирует совокупность своеобразных представлений об объективной реальности окружающего мира [1, с. 90], которые сохраняются в национальном сознании, отражая его национально-культурную самобытность, его мировоззренческое понимание предметов и его методологию преобразования мира.

Концепт, являясь важной единицей в области языкознания, концентрированно отражает психические особенности, мировоззрение и методологию народа. Вопрос о структуре концепта вызвал активные дискуссии среди многих лингвистов, таких как Ю. С. Степанов, В. И. Карасик, С. Г. Воркачев, И. А. Стернин и др. Согласно теории В. И. Карасика, концепт может быть разделен на три слоя: номинативный, символический и оценочный [2, с. 129–130]. Символическое значение концепта глубже всего раскрывается в паремиологических единицах, которые хранят в себе жизненный опыт и сознание народа.

В процессе исследования были использованы следующие научные методы: метод ассоциативно-семантического поля, описательный метод, сопоставительный метод и метод анализа.

Анализ лингвистической литературы показывает, что «трава» как один из самых распространенных образов в русской тематической группе «Растительный мир» широко изучалась учеными. А. Б. Ипполитова в своей диссертации «Русские рукописные травники XVIII века как феномен культуры» [3] и в книге «Русские рукописные травники XVII–XVIII вв.: исследование фольклора и этноботаники» [4] анализирует фольклорные единицы, связанные с данными травами, а также способы их использования в народной медицине и повседневной жизни. Нань Яньхуа в своей диссертации «Лингвокультурологическое описание паремий русского языка с компонентом-фитонимом на фоне китайского и корейского языков» анализирует этнокультурные характеристики концепта «Фитоним», в том числе концепт «Лекарственные травы», в русских, китайских и корейских паремиях [5]. В своей работе «Название лекарственных травянистых растений в русском и казахском языках: мотивационно-словообразовательный и лингвокультурный аспекты» Ж. М. Омашева анализирует не только словообразование наименований лекарственных трав в русском и казахском языках, но и проводит сопоставительное лингвокультурологическое исследование пословиц, поговорок, фразеологизмов, обычаев, поверий, легенд, содержащих

концепт «Лекарственные травы» в русском и казахском языках [6].

В Китае данная тематика недостаточно изучена в лингвистике, и китайские ученые исследуют концепты «Растение» или «Трава». Например, в статье Ли Ваньцзюня было проведено сопоставительное исследование русских и китайских пословиц и поговорок, содержащих концепт «Трава» [7]. В своей дипломной работе Ван Фань сравнивает английские и русские пословицы, содержащие названия трав, и анализирует различия в их символических значениях [8].

В культурологических представлениях различных стран мира концепт «Трава» часто связывают с такими понятиями, как подчинение и принесение пользы, и его нередко рассматривают как символ шепота и молитвы [9, с. 778], тогда как концепт «Лекарственные травы» часто ассоциируется с исцелением и святостью. Однако символическое значение различных названий лекарственных трав в разных культурах отличается: например, в западной культуре лопух символизирует навязчивость, а в восточной культуре – здоровье, долголетие, жизненную силу и богатство.

Следует отметить, что в процессе анализа концепта «Лекарственные травы» с точки зрения номинативного уровня мы фокусируемся на их физических свойствах и их пользе (таких как пригодность в пищу, использование для лечения болезней, возможность изготовления тканей и т. д.). В то время как на символическом уровне анализ преимущественно сосредоточен на абстрактном символическом значении, которое эти травы приобретают в рамках паремиологических единиц.

Проанализировав 200 русских паремиологических единиц, содержащих концепт «Лекарственные травы», мы обнаружили, что среди них наиболее распространены названия таких трав, как крапива, лен, полынь и хмель (см. рис.).

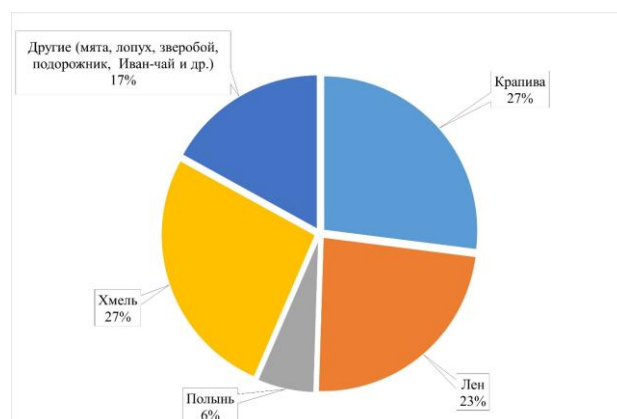

Рисунок 1. Доля названий лекарственных трав среди 200 паремиологических единиц.

Крапива является чрезвычайно популярным в России растением, широко распространенным в Сибирском регионе. С точки зрения номинативного значения и пользы крапива имеет широкое лекарственное и лечебное значение: смешивая измельченные семена крапивы с медом и разбавляя вином, лечат кашель; крапиву также используют при лечении желудочных заболеваний [10, с. 122]. В словаре слово *крапива* всегда объясняется как «жгучие волосы на листьях и корневищах» [11, с. 466], именно вследствие этого свойства крапива вызывает ощущение жжения при прикосновении к коже, поэтому растение крапива также ассоциируется с такими словами: *жегала, жигалка, стравкива, стрекучка, жгучка, ожига* и другие. Такое свойство крапивы замечательно иллюстрируется в некоторых русских загадках:

Што та за трава, што слепые знают (крапива) [12, с. 130],

Хоть не огонь, а жжется (крапива) [Там же, с. 131],

Не шмель, не пчела, а жалит (крапива) [13, с. 70],

Сама холодная, а людей жжет (крапива) [Там же, с. 70].

Растение крапива встречается и в русских народных приметах, например, крапива в руке вместе с тысячелистным клевером отгоняет страх; держать в руке крапиву и змей означает, что человек поймает много рыбы; держать ее в руке вместе с чертополохом во время охоты – знак большого успеха в охоте и так далее [14, с. 228].

Крапива, которая часто встречается в русских паремиях, имеет негативное символическое значение во многих пословицах и поговорках. Крапива в западной традиционной культуре является символом клеветы [9, с. 786], обладая негативным и отрицательным значением, и аналогичное символическое значение крапивы обнаруживается и в русской культуре. В некоторых русских пословицах и поговорках характеристика крапивы обычно ассоциируется с женщинами, а жгучие волоски крапивы используются для обозначения надоедливых, сварливых и сложных в общении женщин [15, с. 72], и такая символическая характеристика крапивы убедительно подтверждается следующими примерами: *Богоданны сестрицы – крапива жгучая* [16, с. 342]; *И моя жена крапива, да и на нее мороз пал* [Там же, с. 312]; *Где старая дева живёт, вокруг дома и крапива не растёт* [17, с. 80]; *Не всякая мачеха – крапива, не всяка падчерица – маков цвет* [Там же, с. 276], *С бабами водиться – в крапиву садиться* [Там же, с. 396].

Аналогичным образом в некоторых пословицах крапива символизирует непопулярного, неприятного, трудно сходящегося с людьми человека: *С водиться – что в крапиву садиться* [16, с. 110]; *С ним водиться, что в крапиву садиться* [Там же, с. 410]; *С попом водиться, что в крапиву садиться* [17, с. 401]. В этих пословицах выражение «садиться в крапиву» используется для выражения неприятностей и боли от нахождения в обществе этого человека.

В некоторых пословицах крапива также используется в значении «наказание» и «назидание»: *Узнаешь, чем крапива пахнет. Узнаешь вкус березовой каши* [16, с. 194]; *С предателем водиться, что в крапиву садиться* [17, с. 401]; *Кто пораньше встаёт, тот грибки берёт, а сонливый да ленивый идут после за крапивою* [Там же, с. 208].

Такие пословицы, содержащие слово *крапива*, как *Злое семя крапива: не сварить из него пища* [18, с. 207]; *Крапивное семя (зелье). Кашиново племя* [Там же, с. 208]; *От крапивы крапива и родится* [17, с. 329]; *С крапивы гранатов не собирают* [Там же, с. 399], имеют значение «что посеешь, то и пожнешь» или «какие родители, такие дети», и используются для выражения отношений между родственниками и семьей. Очевидно, что в этих пословицах крапива имеет отрицательное, негативное символическое значение.

Хотя крапива как лекарственная трава способна лечить болезни, однако в местах, где она растет в изобилии, она часто непопулярна, потому что при соприкосновении с ней человеческой коже больно, и это значение отражено в пословице *Хороша слобода, да крапивою поросла* [16, с. 264]. В выражении *Ожегся, ровно на крапиве* [Там же, с. 48] жжение, возникающее при прикосновении к крапиве, используется для описания неожиданной неудачи или неприятности, вызванной небрежностью.

Наоборот, положительные свойства крапивы отражены в пословице *Жгуча крапива родится, да во щах уварится* [Там же, с. 371]. Ее смысл в том, что крапива, при правильной обработке, может стать вкусным и полезным блюдом. В народной медицине суп из крапивы может облегчить такие симптомы, как ревматические боли или зуд кожи.

В результате анализа приведенных выше данных мы приходим к выводу, что отрицательные символические значения крапивы в основном связаны с тем, что сама крапива вызывает ощущение жжения при прикосновении к коже.

Россия представляет собой один из самых обширных в мире районов возделывания льна,

являющегося важной товарной культурой в России. Слово *лен* объясняется в толковом словаре С. А. Кузнецова как трава, из стебля которой можно получить волокно для одежды и других предметов домашнего обихода, а из семян – масло [11, с. 492], и аналогичные объяснения даны в толковых словарях В. И. Даля или С. И. Ожегова. Эти две особенности льна можно наглядно представить в следующих загадках:

Из земли вырастаю – весь мир одеваю (лен),

Топили, сушили, колотили, рвали, крутили, ткали, на стол клали (лен),

Голову едят, кожу носят, а мясо и собаки не едят (лен),

Тело носим, кости бросим, голову едим (лен) [13, с. 75].

Пословица *Удастся лен, так шелк; не удастся, так щелк* [16, с. 62] выражает значение «удачи» и «успеха». В пословице *Лен не родится – и мочало пригодится* [Там же, с. 85] лен и мочало – это сырье, которое можно использовать для изготовления одежды или предметов домашнего обихода, с той разницей, что лен более качественный, и пословица выражает связь между богатством и бедностью через использование названий двух растений. Кроме того, пословица может использоваться для выражения мысли о том, что если оптимальный проект не подходит, то подойдет альтернативный. А пословица *Лен трепал, да в беду попал* [Там же, с. 120] используется для выражения горя и бедствий.

Пословица *Мни лен доле, волокна будут доле (волокно будет доле)* [18, с. 16] выражает отношения между работой и отдыхом с помощью слова *лен*, которое используется, чтобы напомнить людям, что у них должно быть свое время для игры и работы и что они не должны играть, когда они должны работать. Выражение *У нас с тобой и лен не делен* [Там же, с. 254], с другой стороны, передает смысл того, что друзья думают и действуют вместе.

Народные пословицы и поговорки, связанные со словом *лен*, чаще всего ассоциируются с сельскохозяйственными и традиционными религиозными праздниками. Следующие пословицы указывают на время посева льна в земледелии: *Лен с ярью (с яровым) не ладит; Кукушка закуковала – пора сеять лен; Сеян лен у семи Олен; Лен сей в последнюю четверть* [Там же, с. 369]. В пословице *Лен две недели цветет, четыре недели спет, на седьмую семя летит* [Там же, с. 369] указан период роста и созревания льна; пословица *Хорошо рябина цветет – к урожаю льна* [Там же, с. 369] возвещает о времени сбора льна через цветение рябины.

В Древней Руси последний день мая (31 мая) был праздником «Семь дев», который тесно связывали со льном. Время этого праздника считали подходящим для льняных работ, и поэтому с ним связана пословица *Семь дев сеют лен* [Там же, с. 348]. Кроме того, 3 июня, в славянский народный праздник Оленин день, также существует обычай сеять лен, к которому относятся следующие пословицы: *Олены длинные льны. На Олену сей лен; Ярицу, лен, гречу, ячмень и позднюю пшеницу сей с Оленина дня; Льны Олене, огурцы Константину* [Там же, с. 348].

На самом деле лен представляет собой также лекарственную траву, семена которой используются в народной медицине и обладают слабительным эффектом [19, с. 136]. Однако приведенный выше анализ русских паремиологических единиц, содержащих слово *лен*, показывает, что данных единиц, связанных со свойствами льна как лекарственного растения, практически не существует, в то время как большинство из них основано на характеристиках льна как сельскохозяйственной культуры (выращивание, переработка). Ведь трудовая деятельность с незапамятных времен всегда занимала важнейшее место в жизни человечества, поскольку она необходима для обеспечения и удовлетворения потребностей человека в производстве и поддержании жизнедеятельности человека, предметов повседневной необходимости, строительных материалов и т. д. [20, с. 421].

Одним из источников русского слова *полынь*, распространенной русской травы, является слово *артемизы*, которое использовала супруга царя Мавсола для лечения женских недугов [21, с. 98]. Полынь является многолетней травой с сильным запахом эфирного масла и горьким вкусом, которая используется в качестве лечебного и профилактического средства при заболеваниях желудочно-кишечного тракта [11, с. 911]. Из-за своего горького вкуса полынь часто используется во многих русских выражениях в сочетании с такими негативными словами, как *горькая, болезненная, завидная*, которые символизируют неприятного, грустного и несчастливую человека.

По утверждению В. Б. Колосовой, полынь широко применяется в народной традиционной медицине для лечения различных заболеваний в разных регионах, но практически во всех традициях полынь используется при лечении простуды и лихорадки, а также как глистогонное средство для повышения аппетита или для лечения желудочно-кишечных расстройств, кроме того, она применяется в области женских заболеваний [22, с. 217].

В русских паремиологических единицах полынь в большинстве случаев имеет негативное символическое значение, которое в основном передается горьким характером запаха полыни. Пословица *Есть – слово, как мед, сладко; нет – слово, как полынь, горько* [16, с. 210] использует образ полыни, чтобы показать, что слова, сказанные в знак несогласия, горьки, как полынь. Противопоставляя слова *полынь* и *мед* в пословицах *Речи, как мед, а дела, как полынь* [18, с. 153] и *Речи, что мед, а дела, что полынь* [Там же, с. 154], можно передать смысл выражения «легче сказать, чем сделать». Пословица *Полынь после меду горче самой себя* [16, с. 104] используется для выражения связи между хорошим и плохим. С другой стороны, в пословице *Чужая жена – лебедушка, а своя – полынь горькая* [Там же, с. 322] именно с помощью полыни можно символизировать жену, которая не по душе, и грустную, несчастную женщину.

Полынь также ассоциируется в языке с Родиной, и пословица *Без корня и полынь не растет* [Там же, с. 286] означает, что без Родины нельзя существовать. В народной примете обилие полыни также предвещает плохой урожай зерна: *Много на полях полыни – к неудачному сбору хлеба* [14, с. 371].

Хмель относится к травам, которые можно встретить почти повсеместно в России. Хмель является многолетней вьющейся травой с очень длинными корнями и множеством стеблей; цветет он в июле-августе каждого года и имеет коническое соцветие; его шишки можно использовать в качестве лекарства [19, с. 146]. Эти характеристики хмеля ясно представлены в следующих русских загадках:

Без рук, без ног на батог ползет (хмель),

На кусточке, на пруточке мягкие орехи растут (хмель),

Стоит сто столбов, у ста столбов сто колец, у ста колец сто кистей, у ста кистей сто ветвей (хмель) [13, с. 89].

Хмель имеет широкий спектр применения в народной медицине. Шишки хмеля в подушке могут излечить бессонницу, его настой и отвар сока можно использовать как мочегонное средство; при заболеваниях желудка, печени и желчного пузыря настой хмеля можно использовать как антгельминтик, который обладает успокаивающим действием [23, с. 191–192]. Кроме лекарственной ценности, хмель позволяет варить пиво и является хорошим заквасочным средством, как показывает пословица *Бражка без хмелю не варится* [18, с. 315].

В христианской мифологии хмель создан Богом, однако дьявол избрал его орудием для сов-

ращения христиан, что и привело к возникновению пагубной привычки к алкоголю [24, с. 157]. Поэтому многие повествования о хмеле часто ассоциируются с алкоголизмом. Аналогично, в словарном объяснении хмель, помимо того, что является лекарственным растением, обозначает «человека, который пьет с хмелем», «состояние опьянения» и «поведение, вызванное опьянением» [11, с. 1447].

В многочисленных пословицах и поговорках, включающих слово *хмель*, это растение неразрывно связано с пьянством и алкоголизмом: *Перед хмелем падко, во хмелю сладко, по хмелю гадко* [18, с. 274]; *Хмель не плачет, что пьяницу бьют* [Там же, с. 275]; *Потерял честь вином. За хмель не ручайся* [Там же, с. 275]; *Со хмелиной спознаться – с честью расстаться* [Там же, с. 275]; *Пить хмельное, так и говорить такое. Вино дело не ино* [Там же, с. 276]; *Высока у хмеля голова, да ногами жидок* [Там же, с. 276].

В пословицах *Коли б на хмель не мороз, так он бы через тын перерос* [16, с. 109] и *Кабы на хмель не мороз, так бы тын перерос* [18, с. 320] выражена мысль о том, что, если события не контролировать и не ограничивать, они пойдут в плохом направлении. В некоторых пословицах образ хмеля также используется для обозначения фальши, лжи и неправды: *Хмельного в рот не берет, а на своих ногах шатается* [16, с. 172], *Хоть и врет, да хмельного не пьет* [Там же, с. 176].

Русские пословицы *Дурацкую голову и хмель не берет* [Там же, с. 381] и *С пьяным под руку – хмельным назовут, а с глупым в речи – дураком почтут* [Там же, с. 389], в свою очередь, выражают значение глупости и неумности. *Пей, да хвастай: хмель то и любит* [18, с. 219] и *Солод в овине, хмель на тычине* [Там же, с. 221] означают хвастовство и бахвальство.

В пословицах слово *хмель* используется также для выражения важности владения ремеслом и его сохранения: *Знай одно ремесло да блюди, чтоб хмелем не поросло* и *Было ремесло, да хмелем поросло. Ремесло к собакам занесло* [Там же, с. 31].

Хмель также используется в свадебных церемониях, чтобы выразить пожелания счастливой и благополучной жизни молодым: *Молодых, при встрече из церкви, осыпают хлебом и хмелем* [Там же, с. 247].

Приведенный выше анализ показывает, что слово «хмель» во многих пословицах и поговорках в большинстве случаев выражает значение пьянства. Сопоставляя символику хмеля в русских пословицах и поговорках, мы можем заметить, что символика в основном негативная, при-

чем большая часть негативной символики обусловлена ассоциацией хмеля с алкоголизмом и пьянством.

Анализируя приведенные выше лингвистические материалы, мы можем сделать следующие выводы: во-первых, русские паремии, содержащие названия лекарственных трав, преимущественно отражают их внешние признаки и повседневное использование. Это обусловлено тем, что человек в процессе сознательной деятельности не только способен выделять составляющие элементы психологических категорий, на которых основывается его мышление, но и может «применять» их к другим, часто разнородным объектам [25, с. 80].

Во-вторых, анализируя концепт «Лекарственные травы» в русской паремиологической картине мира, мы обнаружили, что некоторые наименования лекарственных трав часто обладают противоречивостью и оппозиционностью в оценочном значении. С точки зрения их практической ценности и номинативного значения, все они несут позитивный характер и пользу. Например, крапива, полынь могут использоваться для лечения болезней, хмель – для приготовления пива, а лен – для производства одежды и масла. Однако в символическом значении эти названия лекарственных трав в контексте русских паремиологических единиц приобретают негативные символические смыслы (например, крапива символизирует женщину или человека, с которым трудно иметь дело или нелегко найти общий язык; хмель часто ассоциируется с алкоголизмом и пьянством). Кроме того, некоторые наименования лекарственных трав связаны с земледелием и традиционными религиозными праздниками (например, сеют лен на Семь дев и Оленин день).

Таким образом, в русской паремиологической картине мира, содержащей концепт «Лекарственные травы», мы замечаем, что русский народ обладает уникальным национальным представлением о лекарственных травах, которое отражается в языке, формируя уникальный русский национально-культурный код.

Список источников

1. Бигаева М. Х., Саткоева М. С. Лингвокультурологический потенциал паремий в воссоздании национальной языковой картины мира // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2024. № 3(44). С. 90–93.
2. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004. 390 с.

3. Ипполитова А. Б. Русские рукописные травники XVIII века как феномен культуры: дис. ... канд. ист. наук: Москва, 2004. 393 с.

4. Ипполитова А. Б. Русские рукописные травники XVII–XVIII вв.: исследование фольклора и этноботаники. М.: Индрик, 2008. 512 с.

5. Нань Я. Лингвокультурологическое описание паремий русского языка с компонентом-фитонимом на фоне китайского и корейского языков: дис. ... канд. филол. наук: Санкт-Петербург, 2022. 237 с.

6. Омашева Ж. М. Название лекарственных травянистых растений в русском и казахском языках: мотивационно-словообразовательный и лингвокультурный аспекты: дис. ... канд. филол. наук: Екатеринбург, 2017. 219 с.

7. 李万军. 俄汉语含植物名称熟语对比研究: 文学硕士学位论文. 哈尔滨, 2016. 59 с.

8. 王凡. 俄英语言中含有植物名称的熟语的对比研究: 文学硕士学位论文. 哈尔滨, 2020. 68 с.

9. Энциклопедия символов / сост. В. М. Рошаль. М.: АСТ; СПб.: Сова, 2008. 1007 с.

10. Чжан И. Чеснок и крапива в традиционной медицине белорусов: семантический и культурно-сравнительный анализ // Вестник Полоцкого государственного университета. 2018. № 1. С. 119–124.

11. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

12. Загадка русского народа: сборник загадок, вопросов, притч и задач / сост. Д. Н. Садовников. Москва: Современ. писатель, 1995. 400 с.

13. Митрофанова В. В. Загадки. Ленинград: Наука, ленинградское отд-ние, 1968. 255 с.

14. Грушко Е. А., Медведев Ю. М. Словарь русских суеверий, заклинаний, примет и поверий. Нижний Новгород: «Русский купец» и «Братья славяне», 1995. 560 с.

15. Ян К., Чэнь Ц. Слово крапива как культурно-маркированная языковая единица // Русский язык в школе. 2023. Т. 84. № 1. С. 67–74.

16. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2-х т. Т. 1. / редактор: Т. Беднякова; послесл.: В. П. Аникина; худож.: Г. А. Клодт. М.: Худож. лит., 1989. 431 с.

17. Уваров Н. Б. Энциклопедия народной мудрости. Пословицы, поговорки, афоризмы, крылатые выражения, сравнения. М.: Инфра-Инженерия, 2009. 592 с.

18. Пословицы русского народа: Сборник В. Даля. В 2-х т. Т. 2. / редактор: Т. Беднякова; послесл.: В. П. Аникина; худож.: Г. А. Клодт. М.: Худож. лит., 1989. 447 с.

19. Колесова В. Г., Марченко В. А., Сыровежко Н. В. Лекарственные растения: мифы и реальность. Традиционная (народная) медицина в объективе науки. СПб: СПХФА, 1998. 261 с.

20. Мочалова Т. И., Маслова А. Ю., Левина М. З. Ремесленная и промысловая фразеология в русских и мокшанских говорах на территории Республики Мор-

довия // Финно-угорский мир. 2023. Т. 15, № 4. С. 421-431.

21. Васильева Т. А., Малаканова В. А. Лечебные свойства дикорастущих лекарственных растений как основа их номинации в латинском языке // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2024. № 11-4 (98). С. 96-100.

22. Колосова В. Б. Лексика и символика славянской народной ботаники. Этнолингвистический аспект. М.: Индрик, 2009. 352 с.

23. Кароматов И. Д., Атамуродова Ш. Т. Пищевое и лечебное значение растения хмель обыкновенный // Биология и интегративная медицина. 2018. № 1. С. 187-212.

24. Бабалык М. Г. Этиологические легенды о хмеле и табаке в рукописных сочинениях XVII–XX вв. // Славянская традиционная культура и современный мир. 2021. № 1. С. 144-159.

25. Мубаракшина А. М. Метафора в гороскопическом тексте: функциональный аспект // Вестник Донецкого национального университета. Серия Д. Филология и психология. 2025. № 5. С. 80–89.

References

1. Bigaeva, M. Kh., Satkoeva, M. S. (2024). *Lingvokul'turologicheskii potentsial paremii v vossozdanii natsional'noi yazykovoï kartiny mira* [The Linguacultural Potential of Paremias in Recreating the National Linguistic Picture of the World]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya*. No. 3(44), pp. 90–93. (In Russian)

2. Karasik, V. I. (2004). *Yazykovoï krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse]. 390 p. Moscow, Gnozis. (In Russian)

3. Ippolitova, A. B. (2004). *Russkie rukopisnye travniki XVIII veka kak fenomen kul'tury: dis. ... kand. ist. nauk* [Russian Handwritten Herbals of the 19th Century as a Cultural Phenomenon: Ph.D. Thesis]. Moscow, 393 p. (In Russian)

4. Ippolitova, A. B. (2008). *Russkie rukopisnye travniki XVII-XVIII vv.: issledovanie fol'klora i etnobotaniki* [Russian Handwritten Herbals of the 19th–20th Centuries: A Study of Folklore and Ethnobotany]. 512 p. Moscow, Indrik. (In Russian)

5. Nan', Ya. (2022). *Lingvokul'turologicheskoe opisaniye paremii russkogo yazyka s komponentom- fitonimom na fone kitaiskogo i koreiskogo yazykov: dis. ... kand. filol. nauk* [Lingvocultural Description of Russian Proverbs with a Phytonym Component against the Background of Chinese and Korean: Ph.D. Thesis]. St. Petersburg, 237 p. (In Russian)

6. Omasheva, Zh. M. (2017). *Nazvaniye lekarstvennykh travyanistykh rastenii v russkom i kazakhskom yazykah: motivatsionno-slovoobrazovatel'nyi i lingvokul'turnyi aspekty: dis. ... kand. filol. nauk* [Names of Medicinal Herbaceous Plants in Russian and Kazakh Languages: Motivational-Word-Formation and Linguocultural Aspects: Ph.D. Thesis]. Ekaterinburg, 219 p. (In Russian)

7. Li, Wanyun. (2016). *A Comparative Study of Russian and Chinese Phraseologisms Containing Plant Names: Diss. ... Mag. Philological Sciences*. Harbin, 59 p. (In Chinese).

8. Wang, Fan. (2020). *A Comparative Study of Russian and English Phraseologisms Containing Plant Names: Diss. ... Mag. Philological Sciences*. Harbin, 68 p. (In Chinese).

9. *Entsiklopediya simbolov* (2008) [Encyclopedia of Symbols]. Sost. V. M. Roshal'. 1007 p. Moscow, ACT; St. Petersburg, Sova. (In Russian)

10. Chzhan, I. (2018). *Chesnok i krapiva v traditsionnoi meditsine belorusov: semanticheskii i kul'turno-sravnitel'nyi analiz* [Garlic and Nettle in Traditional Medicine of Belarusians: A Semantic and Cultural-Comparative Analysis]. *Vestnik Polockogo gosudarstvennogo universiteta*. No. 1, pp. 119–124. (In Russian)

11. *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka* (2000) [Comprehensive Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Sost. i gl. red. S. A. Kuznecov. 1536 p. St. Petersburg, Norint. (In Russian)

12. *Zagadka rksskogo naroda: sbornik zagadok, voprosov, pritch i zadach* (1995) [Riddle of the Russian People: A Collection of Riddles, Questions, Parables, and Problems]. Sost. D. N. Sadovnikov. 400 p. Moscow, Sovremen. pisatel'. (In Russian)

13. Mitrofanova, V. V. (1968). *Zagadki* [Riddles]. 255 p. Leningrad, Nauka, leningradskoe otd-nie. (In Russian)

14. Grushko, E. A., Medvedev, Yu. M. (1995). *Slovar' russkikh sueverii, zaklinanii, primet i poverii* [Dictionary of Russian Superstitions, Spells, Signs, and Beliefs]. 560 p. Nizhny Novgorod, "Russkii kupets" i "Brat'ya slavyane". (In Russian)

15. Yan, K., Chyen', C. (2023). *Slovo krapiva kak kul'turno-markirovannaya yazykovaya edinitsa* [The Word "Nettle" as a Culturally Marked Linguistic Unit]. *Russkii yazyk v shkole*. T. 84. No. 1, pp. 67–74. (In Russian)

16. *Poslovitsy russkogo naroda: Sbornik V. Dalya. V 2-kh t. T. 1* (1989) [Proverbs of the Russian People: A Collection by V. Dal'. In 2 Volumes. T. 1]. Redaktor: T. Bednyakova; poslesl.: V. P. Anikina; khudozh.: G. A. Klodt. 431 p. Moscow, Khudozh. lit. (In Russian)

17. Uvarov, N. B. (2009). *Enciklopediya narodnoi mudrosti. Poslovitsy, pogovorki, aforizmy, krylatye vyrazheniya, sravneniya* [Encyclopedia of Folk Wisdom. Proverbs, Sayings, Aphorisms, Winged Expressions, Comparisons]. 592 p. Moscow, Infra-Inzheneriya. (In Russian)

18. *Poslovitsy russkogo naroda: Sbornik V. Dalya. V 2-kh t. T. 2* (1989) [Proverbs of the Russian People: A Collection of V. Dal'. In 2 Volumes. T. 2]. Redaktor: T. Bednyakova; poslesl.: V. P. Anikina; khudozh.: G. A. Klodt. 447 p. Moscow, Khudozh. lit. (In Russian)

19. Kolesova, V. G., Marchenko, V. A., Syrovezhko, N. V. (1998). *Lekarstvennye rasteniya: mify i real'nost'*. *Traditsionnaya (narodnaya) meditsina v ob#ektive nauki*. [Medicinal Plants: Myths and Reality. Traditional (Folk) Medicine in the Lens of Science]. 261 p. St. Petersburg, SPHFA. (In Russian)

20. Mochalova, T. I., Maslova, A. Yu., Levina M. Z. (2023). *Remeslennaya i promyslovaya frazeologiya v russkikh i mokshanskikh govorakh na territorii Respubliki Mordoviya* [Craft and Trade Phraseology in Russian and Moksha Dialects on the Territory of the Republic of Mordovya]. *Finno-ugorskii mir*. T. 15. No. 4, pp. 421–431. (In Russian)
21. Vasil'eva, T. A., Malakanova, V. A. (2024). *Lechebnye svoystva dikorastushchikh lekarstvennykh rastenii kak osnova ikh nominatsii v latinskom yazyke* [Medicinal Properties of Wild Medicinal Plants as the Basis for Their Nomination in the Latin Language]. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*. No. 11–4 (98), pp. 96–100. (In Russian)
22. Kolosova, V. B. (2009). *Leksika i simbolika slavyanskoi narodnoi botaniki. Etnolingvisticheskiy aspekt* [Vocabulary and Symbolism of Slavic Folk Botany. An Ethnolinguistic Aspect]. 352 p. Moscow, Indrik. (In Russian)
23. Karomatov, I. D., Atamuradova, Sh. T. (2018). *Pishhevoe i lechebnoe znachenie rasteniya khmel' obyknovennyi* [Nutritional and Medicinal Value of the Common Hop Plant]. *Biologiya i integrativnaya meditsina*. No. 1, pp. 187–212. (In Russian)
24. Babalyk, M. G. (2021). *Etiologicheskie legendy o khmele i tabake v rukopisnykh sochineniyakh XVII–XX vv.* [Etiological Legends about Hops and Tobacco in Handwritten Works of the 17th–20th Centuries]. *Slavyanskaya traditsionnaya kul'tura i sovremennyi mir*. No. 1, pp. 144–159. (In Russian)
25. Mubarakshina, A. M. (2025). *Metafora v goroskopicheskom tekste: funktsional'nyi aspekt* [Metaphor in a Horoscopic Text: A Functional Aspect]. *Vestnik Doneckogo natsional'nogo universiteta. Seriya D. Filologiya i psikhologiya*. No. 5, pp. 80–89. (In Russian)

The article was submitted on 23.12.2025

Поступила в редакцию 23.12.2025

Юнься Чжэн,
аспирант,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18.
15269658605@163.com

Yunxia Zheng,
graduate student,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
15269658605@163.com